PV
767
Кузн

Н. Д. Кузнецовъ.

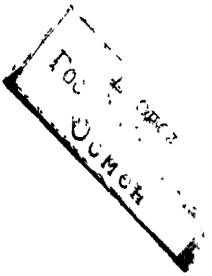
Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Алекс.-Невск. Общ. Трезвости, Обводный, 116.
1911.

55. 1. 384.
21222

Н. Д. Кузнецовъ.

Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Алекс.-Невск. Общ. Трезвости, СПБ., Обводный, 116.
1911.

ПРОВ. 1954

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
227
30

Русская художественная литература въ отношеніи къ вопросамъ религіи *).

Н. Кузнецовъ.

Общій взглядъ на русскую художественную литературу по отношенію къ высшимъ вопросамъ жизни. Значеніе для нихъ произведеній Достоевскаго. Вскрытіе въ душахъ людей „облика Христова" и связи между направленіемъ жизни и идеей Бога. Произведенія гр. Л. Н. Толстого. Оживленіе ими идей естественной морали и религіи. Наука и культура передъ судомъ человѣческаго сознанія, подвергшагося вліянію этихъ идей. Поэзія какъ продуктъ болѣе широкаго воспріятія жизни. Значеніе этого факта для дѣла религіи Возможность пользованія художественной литературой для разъясненія религіозныхъ вопросовъ жизни подтверждается примѣрами многихъ великихъ дѣятелей христіанства.

Недавно въ городѣ Горки, Могилевской губерніи, издана Я. Н. Ктиторевымъ книга: *Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ.* Книга эта заслуживаетъ вниманія какъ тѣхъ, кто стремится къ всестороннему изученію русской литературы, такъ и вообще людей, интересующихся религіознымъ и моральнымъ состояніемъ русскаго общества

*) Примѣчаніе. Статья эта была помѣщена въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" за 1910 годъ. Здѣсь же она печатается въ значительно дополненномъ видѣ.

Среди культурнаго человѣчества можно считать уже общепризнаннымъ, что русская художественная литература въ лицѣ ея перворазрядныхъ представителей занимаетъ особое мѣсто въ литературѣ міровой. Этимъ она обязана великой способности нашихъ писателей ярко изображать дѣйствительную жизнь и представлять въ захватывающихъ вниманіе художественныхъ образахъ русскую душу. А душа эта, какъ извѣстно, вообще имѣетъ большую склонность отдаваться размышленію о тайнахъ бытія и глубоко волноваться тѣми вопросами, которые не можетъ не ставить передъ собой человѣкъ, старающійся познать самого себя и осмыслить свою жизнь. Эта склонность въ разныхъ степеняхъ и формахъ сказывается и на русской интеллигенціи, и она выгодно отличаетъ ее отъ средней интеллигенціи въ Западной Европѣ. Русскій человѣкъ вообще менѣе расположенъ удовлетворяться тѣми буржуазными идеалами жизни, которые такъ крѣпко привязали къ себѣ человѣка западно-европейскаго.

Изучать русскую литературу, рисующую дѣйствительную жизнь русскаго народа и его интеллигенціи, — это значитъ ввести мысль въ область идеализма и высшихъ вопросовъ бытія.

Въ этомъ отношеніи одинъ изъ современныхъ критиковъ Волжскій въ своей книгѣ: «Изъ міра литературныхъ исканій» справедливо указываетъ, что «русская художественная литература—вотъ истинная русская философія, самобытная, блестящая философія въ краскахъ слова, сіяющая радугой мысли, облеченная въ плоть и кровь живыхъ образовъ художественнаго творчества. Всегда отзывчивая къ настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература въ то же время всегда была сильна мыслью о вѣчномъ, непреходящемъ. Почти всегда въ глубинѣ ея шла неустанная работа надъ самыми важными неумирающими изначальными проблемами человѣ-

ческаго духа. Съ «проклятыми вопросами» она никогда почти не разставалась...[1])

Эти черты, свойственныя русской литературѣ. въ той или иной формѣ отмѣчаются и западно-европейской критикой. Она находитъ, наприм., что русской литературѣ присуще стремленіе углубляться въ вопросы религіи и нравственности. По свидѣтельству лицъ, изучавшихъ отношеніе западно-европейской критики къ русской литературѣ, указанія европейскихъ писателей на особенности нашей литературы сводятся къ слѣдующему: 1) Строгое отношеніе къ общественнымъ задачамъ литературы. 2) Признаніе человѣка нравственнымъ, т. е. существомъ отвѣтственнымъ за свои поступки передъ лицомъ своей совѣсти. 3) Взглядъ на жизнь, какъ на нравственную проблему добра и зла, рѣшеніе которой въ торжествѣ перваго.[2])

Изученіе съ этой точки зрѣнія русской литературы приводитъ Я. Н. Ктитарева къ заключенію, что наша литература главнымъ образомъ занята религіозно-философскими вопросами. «Идея Бога, поясняетъ онъ, христіанскій альтруизмъ, жалость къ человѣку, стремленіе сгладить, стушевать рѣзкія раздѣленія между людьми, защитить человѣка, поднять его нравственно, послужить ему,—это ея первая задача» (стр. 9).

Подобное направленіе русской художественной литературы, конечно, тѣсно связываетъ ее съ областью морали и религіи. Наша литература не только подводитъ сознаніе человѣка къ ихъ границамъ, но и въ самыхъ этихъ областяхъ нерѣдко очень ярко обрисовываетъ наиболѣе глубокіе вопросы, которые затрогиваютъ современнаго

---

[1]) Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей Спб. 1906 г. На могилу А. П. Чехова, стр. 183.

[2]) Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Спб. 1905 г., стр. 7.

человѣка и съ которыми необходимо считаться особенно людямъ, желающимъ руководить религіозною мыслью общества.

Объ отношеніи художественной литературы къ христіанскимъ идеаламъ авторъ между прочимъ говоритъ: «Какъ наука и философія культивируютъ умъ человѣка, служатъ могучимъ импульсомъ къ возбужденію энергіи его богословствующаго разума, внося новый свѣтъ въ пониманіе богооткровенныхъ истинъ, такъ точно художественная литература культивируетъ чувства, служитъ могучимъ средствомъ къ подъему идеализма и является постояннымъ источникомъ и факторомъ нравственнаго прогресса человѣчества, углубляя и расширяя его нравственное и эстетическое сознаніе...» Какъ въ героическія эпохи поэзія ярко изображала картины битвы человѣка за вѣчныя идеи разума, такъ и теперь въ современной поэзіи мы найдемъ яркія картины идейной борьбы человѣчества. Нѣтъ лучшаго пути въ души современнаго общества какъ только черезъ художественную литературу. Она легко и пріятно и незамѣтно вводитъ въ думы и чувства современнаго человѣчества...» (стр. 283).

При такихъ условіяхъ понятно, какимъ важнымъ пособіемъ должна служить художественная литература въ дѣлѣ проповѣди и преподаванія Закона Божія

Кому не извѣстно, что то и другое важное дѣло уже давно подавлены въ Россіи мертвыми формами и вопросами, волновавшими религіозную мысль во времена очень отдаленныя отъ насъ.

Большинство проповѣдниковъ, большинство составителей руководствъ по Закону Божію какъ будто убѣждены, что духовная жизнь людей только и можетъ проявляться въ тѣхъ формахъ и мысляхъ, которыя отличаютъ вѣка давно минувшіе и которыя обнаружились, напримѣръ, во времена Византіи.

Запросы же религіозной мысли и нужны церковной жиз-

пи, вызванныя новыми условіями и потребностями жизни, и не вмѣщающіеся въ прежнія рамки и формулы, нерѣдко съ легкимъ сердцемъ объявляются у насъ не имѣющими права на существованіе, и на нихъ стараются наклеить ярлыкъ съ надписью «протестантскій», «антицерковный», и т. д. Но не такъ дѣйствовали великіе дѣятели христіанства, наприм., апологеты и учителя Церкви первыхъ вѣковъ. Они чутко прислушивались къ современнымъ имъ запросамъ религіозной мысли, умѣли разбирать тихій голосъ событій и на все это находили отвѣтъ и разъясненіе въ своемъ развитомъ христіанской жизнью духѣ.

Какъ дорого для Церкви существованіе въ ея нѣдрахъ такихъ людей! Въ сравненіи съ ними теперешнее пренебреженіе современными запросами религіозной мысли и нуждами церковной жизни со стороны многихъ, призванныхъ руководить духовной жизнью народа, ясно оказывается не ревностью по вѣрѣ, какъ склонны бываютъ думать они сами, а просто ограниченностью кругозора и слабостью христіанскаго духа.

На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей свѣтскихъ учебныхъ заведеній 1909 года въ Петербургѣ мы старались обратить вниманіе, что обычное у насъ преподаваніе Закона Божія разсчитано на другихъ людей, которые уже давно покинули этотъ міръ. Преподаваніе Закона Божія само навязываетъ сознанію извѣстные вопросы и держитъ его въ ихъ кругѣ, игнорируя многія важныя духовныя потребности и запросы современнаго общества [1]).

И вотъ, если христіанская проповѣдь и преподаваніе Закона Божія не должны итти мимо дѣйствительной жизни, то въ этомъ дѣлѣ можетъ между прочимъ принести большую пользу изученіе русской художественной литературы

[1]) И. Д. Кузнецовъ. Духъ времени, потребности общества и принципы преподаванія Закона Божія. Спб. 1909 г.

въ ея отношеніи къ вопросамъ религіи и морали. Систематизировать полученный такимъ образомъ матеріалъ и представить его какъ одно цѣлое, какъ дѣйствительный и свойственный вообще человѣческой душѣ порывъ въ область высшей жизни,—вотъ задача, вызываемая знакомствомъ съ русской литературой и потребностями нашего времени. Выполненіе ея уже давно лежитъ на совѣсти особенно тѣхъ, кто принялъ на себя обязанность руководить религіозной жизнью народа.

Я. Н. Ктитаревымъ и сдѣланъ опытъ въ этомъ направленіи. Авторъ самъ называетъ свою книгу «слабой попыткой систематизаціи матеріала удовлетворить въ микроскопической дозѣ естественной жаждѣ итога художественной мысли съ точки зрѣнія религіозныхъ и моральныхъ томленій человѣчества». Самъ авторъ занимается преподаваніемъ закона Божія и, какъ намъ извѣстно, не удовлетворяетсе обычными методами, а старается преподавать его болѣя живымъ образомъ. Нужно думать, что онъ съ успѣхомъ пользуется для этого и обширнымъ матеріаломъ взятымъ изъ богатой духовнымъ содержаніемъ русской литературы. Книга его можетъ быть прочитана съ интересомъ. Мысль читателя, обогащенная указаніемъ того, что раскрылось сознанію нашихъ писателей, дѣйствительно пріобрѣтаетъ поддержку въ своихъ религіозныхъ стремленіяхъ и въ потребности моральнаго закона.

Въ своей книгѣ авторъ останавливается на произведеніяхъ Ф. М Достоевскаго, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. Н. Полонскаго, Ф. И. Тютчева, С. Я. Надсона, А. Н. Плещева, В. Г. Короленко, М. Горькаго, А. П. Чехова, а въ послѣдней главѣ касается декадентства.

При разсмотрѣніи произведеній всѣхъ этихъ писателей Я. Н. Ктитаревъ не ограничивается лишь своими собственными соображеніями и выводами, но пользуется и обширной критической о нихъ литературой. Первое мѣсто въ своей книгѣ автору, естественно, при-

шлось удѣлить Достоевскому. Этотъ величайшій изъ писателей по общему признанію проникаетъ въ самыя глубины сложной жизни человѣческой души и раскрываетъ передъ нами то, что совершается здѣсь подъ тѣмъ или другимъ обычнымъ внѣшнимъ обликомъ человѣка. Критики отмѣчаютъ необычайную тонкость его психологическаго анализа, позволяющую Достоевскому видѣть въ душѣ человѣка такіе потаенные мотивы, которые обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія людей.

Это свойство таланта Достоевскаго одинъ изъ критиковъ сравниваетъ съ особенной способностью уха различать мельчайшія дѣленія музыкальныхъ тоновъ [1]).

Такое глубокое проникновеніе Достоевскаго въ человѣческую душу естественно приводитъ его въ соприкосновеніе съ вопросами христіанства. Христіанство, какъ убѣдились еще въ первые вѣка, близко человѣческой природѣ и соотвѣтствуетъ ея глубочайшимъ стремленіямъ и самымъ возвышеннымъ ея потребностямъ. Изъ тѣхъ вѣковъ дошло до насъ справедливое положеніе, что anima humana natura christiana, т. е. человѣческая душа по природѣ христіанская. Если древніе христіанскіе писатели разъясняли это положеніе путемъ сопоставленія стремленій человѣческой души и задачъ христіанства, то Достоевскій въ дополненіе къ нимъ представляетъ это въ художественныхъ образахъ. Въ произведеніяхъ Достоевскаго передъ нами съ необыкновенной яркостью раскрывается внутренняя жизнь многихъ людей и мы ясно видимъ, какъ необходимо для человѣка христіанство съ его тайнами исцѣленія мятущейся человѣческой души и удовлетворенія ея высшимъ потребностямъ.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей, Г. Брандесъ, разбирая сочиненія Достоевскаго, прямо заявляетъ, что они «представляютъ настоящій арсеналъ христіански воспри-

[1]) Булгаковъ Ав. Графъ Толстой и Ф. М. Достоевскій. Разборъ ихъ произведеній. Спб. 1910 г., стр. 88.

нятыхъ характеровъ и душевныхъ состояній. Всѣ дѣйствующія лица въ его произведеніяхъ больные, грѣшники или святые обоего пола, и переходъ отъ состоянія грѣшника къ обратному состоянію, отъ грѣшницы къ святой и отъ физически больного къ душевно здоровому происходитъ то путемъ медленнаго очищенія, то внезапно, въ одно мгновеніе, какъ въ Новомъ Завѣтѣ бываетъ иногда, что грѣшница является въ то же время и святой, а величайшій преступникъ одинаково близокъ отъ того, чтобы возбуждать наше восхищеніе или вызывать наше отвращеніе своимъ негодяйствомъ»... [1])

Русскій философъ В. С. Соловьевъ обращаетъ вниманіе, что Достоевскій прежде всего любилъ живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ и вѣрилъ, что «мы всѣ родъ Божій, вѣрилъ въ безконечную силу человѣческой души, торжествующую надъ всѣми внѣшними насиліями и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Принявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и, преодолѣвъ все это безконечною силою любви, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ божественную силу въ душѣ, пробивающуюся черезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій пришелъ къ познанію Бога и Богочеловѣка. Дѣйствительность Бога и Христа открылась ему во внутренней силѣ любви и всепрощенія и эту же всепрощающую благодатную силу проповѣдывалъ онъ какъ основаніе и для внѣшняго осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю свою жизнь» [2]).

Въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій, точно наталкиваемый какимъ-то геніемъ, съ разныхъ сторонъ под-

---

[1]) Г. Брандесъ Англиская литература отд. 2. О русскихъ писателяхъ. Кіевъ. 1908 г., стр. 155.

[2]) В. Соловьевъ. Три рѣчи въ память Достоевскаго. Москва 1888 г. стр. 4.

ходитъ къ вопросамъ религіознымъ. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», наприм., эти вопросы проникаютъ собой почти все его содержаніе, и по справедливому замѣчанію одного критика, «становятся передъ читателемъ какъ первенствующая, какъ неотступная задача».

Въ своихъ художественныхъ образахъ Достоевскій выставляетъ, напр., постоянно замѣчаемое въ насъ какое-то тягостное трагическое раздвоеніе, доходящее иногда до страшной противоположности Христа и антихриста идеала Мадонны и стремленій содомскихъ. «Тутъ, заявляетъ Достоевскій устами Димитрія Карамазова, дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей». Вскрывая человѣческую душу до таящагося въ ней «облика Христова», Достоевскій показываетъ его живучесть въ нашей душѣ, которая какъ бы инстинктивно ищетъ этотъ обликъ Но путь этого исканія часто оказывается томительнымъ, долгимъ и полнымъ великихъ заблужденій. Для насъ кромѣ того хорошо уясняется, какъ слабъ человѣкъ, предоставленный въ этомъ самому себѣ, брошенный на произволъ судьбы другими, болѣе сильными духомъ, или эгоистически замкнувшійся въ своей личности. Нерѣдко лишь непониманіе своихъ наиболѣе глубокихъ потребностей и неумѣнье разобраться въ своихъ высшихъ стремленіяхъ ставитъ человѣка въ противорѣчіе со Христомъ, и это противорѣчіе не даетъ ему успокоиться. Пусть погрязъ человѣкъ даже въ стремленіяхъ садомскихъ, пусть затмился и обезсилѣлъ въ немъ обликъ Христовъ. Но стоитъ выдвинуть этотъ обликъ передъ его сознаніемъ, и неудержимо со слезами покаянія и радостью устремляется къ нему человѣческая душа, какъ къ единственной истинной правдѣ своей.

Въ образѣ Раскольникова въ романѣ «Преступленіе и наказаніе» представлена затѣмъ яркая картина полной безпомощности человѣка, который желаетъ вступить въ единоборство съ жизнью и побѣдить страданіе, но не

путемъ возстановленія въ себѣ и людяхъ затмившагося облика Христова, а на основаніи придуманныхъ имъ самимъ теорій жизни. Человѣкъ попадаетъ при этомъ въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго часто нѣтъ для него иного выхода, кромѣ полнаго покаянія или самоистребленія. Подъ вліяніемъ изобрѣтенной теоріи Раскольниковъ переступаетъ черезъ самое заповѣдное, черезъ жизнь человѣка, забывая, что каждая человѣческая личность имѣетъ цѣль сама въ себѣ и что ни одинъ человѣкъ, даже возбуждавшая его негодованіе старуха процентщица—не «вошь», которую можно раздавить... Раскольниковъ разрѣшаетъ себѣ съ оправданіемъ этого особой теоріей презирать и уничтожать однихъ людей, чтобы не страдали другіе, и во имя отвращенія къ насилію самъ становится насильникомъ. А сдѣлавшись имъ, сейчасъ же видитъ, что попалъ на какую-то мрачную и противную человѣческой природѣ дорогу. Все, во имя чего онъ дѣйствовалъ, какъ то сразу теряетъ для него значеніе. Ему дѣлается почти уже безразличнымъ, страдаютъ другіе или нѣтъ, ему становятся чужими самые близкіе люди, мать, сестра, и онъ чувствуетъ себя какъ бы отрѣзаннымъ отъ всего человѣчества

Достоевскій какъ будто обладаетъ какимъ-то потаеннымъ фонаремъ, при помощи котораго онъ можетъ освѣщать самыя сокровенныя глубины человѣческой души и позволяетъ намъ заглянуть туда, гдѣ происходитъ у насъ зарожденіе религіозной жизни и опредѣляется скрытое движеніе нашего существа въ томъ или иномъ направленіи.

Чтеніе книги Ктитарева заставляетъ насъ лишній разъ напомнить себѣ, напримѣръ, поражающую глубиной анализа сцену изъ романа «Бѣсы», когда передъ сознаніемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Кириллова, возстаетъ идея Бога.

«Если нѣтъ Бога, заявляетъ Кирилловъ, то я Богъ.

Если есть Богъ, то вся воля Его и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволіе .. Сознать, что нѣтъ Бога, продолжаетъ Кириловъ, и не сознать въ тотъ же разъ, что самъ Богомъ сталъ,—есть нелѣпость, иначе непремѣнно убьешь себя самъ. Если сознаешь, ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ тотъ, кто первый, долженъ убить себя непремѣнно Иначе кто же начнетъ и докажетъ? Я три года искалъ аттрибутъ божества моего и нашелъ: аттрибутъ божества моего—своеволіе. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою...

Въ дополненіе къ этому вспомнимъ другую сцену уже изъ романа «Братья Карамазовы», когда Иванъ Карамазовъ въ кошмарѣ ведетъ разговоръ съ чертомъ [1]).

«По моему и разрушать ничего не надо, говоритъ гость Ивану Карамазову, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло. Съ этого, съ этого надобно начинать,— о слѣпцы, ничего не понимающіе! Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога, (а я вѣрю, что этотъ періодъ, параллель геологическимъ періодамъ, совершится), то само собой, безъ антропофагіи, падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди совокупятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастія и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится человѣкъ—богъ»...

«Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель

1) Часть IV, Книга XI, гл. IX.

возможно ли, чтобы такой періодъ наступилъ когда-нибудь или нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ». Въ этомъ смыслѣ ему «все позволено... Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и уже конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... «все дозволено» и шабашъ»!

Въ этихъ сценахъ ясно обрисовывается передъ нами первенствующее значеніе для человѣка идеи Бога. Эта идея оказывается отнюдь не безразличной для нашей природы. Въ этомъ отношеніи происходитъ, можетъ быть, нѣчто подобное тому, какъ изучая, напр., глазъ, мы подразумѣваемъ существованіе явленій свѣта, изучая ухо, думаемъ о существованіи явленій слуха.

Идея Бога связана съ самымъ существомъ нашей души и вызываетъ въ томъ или другомъ направленіи скрытую работу сознанія, опредѣляющую наши жизненныя стремленія.

Богъ или своеволіе зараженнаго зломъ человѣка со всѣми его эгоистическими притязаніями и возможными отъ нихъ ужасами! Богъ или обожествленіе человѣка! — Въ такихъ формахъ между прочимъ возстаетъ передъ нами религіозная проблема. Мало того, раскрывая затаенныя думы, сомнѣнія и запросы человѣческой мысли и совѣ-

сти, Достоевскій иногда ясно показываетъ, что самая вѣра въ Бога со всей ужасающей для нашего разума сложностью и безконечностью идеи Бога можетъ быть постигаема нами какъ должно лишь черезъ Христа и вѣру въ Него.

Вообще стоитъ подъ руководствомъ Достоевскаго заглянуть поглубже въ человѣческую душу, и какой ограниченной и жалкой представляется господствующая въ современной культурѣ тенденція признать религіозные вопросы ничтожными или,—еще того смѣшнѣе,—реакціонными, и вовсе исключить изъ человѣческой культуры религіозное начало жизни! Люди, склонные падать ницъ предъ современной стремящейся быть безрелигіозной культурой, благодаря Достоевскому, могутъ понять, что, ограничивая этимъ интересы жизни, они не обогащаютъ, а искажаютъ человѣческую природу. Имъ придется заглушить въ себѣ лучшія потребности и идеалы, отказаться отъ удовлетворенія высшихъ запросовъ разума и сердца и въ довершеніе всего, рано или поздно, подвергнуться всѣмъ случайностямъ человѣческаго своеволія.

Но разсматривая произведенія Достоевскаго съ точки зрѣнія вопросовъ религіи и морали, авторъ почему-то не отмѣтилъ, что Достоевскій ярко выдвинулъ нѣсколько религіозныхъ проблемъ, которыя болѣе или менѣе волнуютъ въ наше время многихъ и съ которыми не можетъ не считаться и общее церковное сознаніе. Таковы, напримѣръ, проблема человѣческаго страданія и проблема о значеніи и задачахъ Церкви на землѣ съ ея острымъ въ настоящее время вопросомъ объ участіи Церкви въ устройствѣ человѣческой жизни.

Къ сожалѣнію, люди, призванные руководить религіозною мыслью общества, до сихъ поръ остаются безмолвны на эти запросы. Между тѣмъ разъясненіе этихъ проблемъ при свѣтѣ христіанства поддержало бы и укрѣпило вѣру многихъ. Оно было бы гораздо важнѣе чѣмъ,

напримѣръ, самыя ученыя изслѣдованія изъ области прежнихъ временъ Церкви или еще тѣмъ болѣе изслѣдованія изъ области египетской религіи.

Не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые вопросы, зорко подмѣченные Достоевскимъ въ глубинѣ современныхъ человѣческихъ душъ и съ свойственной ему геніальностью ясно предоставленные нашему сознанію, не остаются безплодными въ сознаніи многихъ. Они заставляютъ въ соотвѣтствующемъ направленіи работать мысли людей. Не будучи освѣщены и разработаны въ духѣ христіанскомъ, иные изъ этихъ вопросовъ могутъ способствовать развитію, напримѣръ, и такихъ теченій, какъ ницшеанство. Извѣстно, что на Ницше оказали немалое вліяніе именно сочиненія Достоевскаго и нѣкоторые ярко выдвинутые въ нихъ передъ современнымъ сознаніемъ вопросы религіи и морали.

Въ романахъ Достоевскаго, по справедливому утвержденію проф. С. Н. Булгакова, заключено больше подлинной философіи, чѣмъ во многихъ томахъ профессоровъ философіи [1]). Вообще при изученіи произведеній Достоевскаго, такъ и кажется, что онъ почерпнулъ въ душѣ множества людей значительную часть разлитой тамъ жизни съ ея дѣйствительными волненіями и неотразимыми запросами, слилъ все это въ одно глубокое море жизни съ какими-то страшными омутами и безднами духа и заключилъ его въ форму своихъ романовъ и разсказовъ.

Второе мѣсто авторъ отводитъ, конечно, Л. Н. Толстому, и справедливо указываетъ, что Толстой является проповѣдникомъ, такъ называемой, естественной религіи и морали. По нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы нѣсколько съ большей силой подчеркнуть, что Толстой снова поставилъ передъ сознаніемъ людей старую проблему объ естественной религіи и морали, съ которой приходится теперь очень счи-

[1]) Вѣнецъ терновый. Рѣчь о Достоевскомъ.

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРНОЕ
АКАДЕМИИ

таться въ области религіи. Кромѣ того для современныхъ читателей, вообще мало знакомыхъ съ философіей и ея исторіей, было бы не безполезно разъяснить самыя эти понятія и отмѣтить, что въ исторіи человѣчества и въ прежнее время нерѣдко обнаруживались попытки установить для него естественную религію и мораль. Въ этомъ направленіи дѣйствовали, напримѣръ, Сократъ, стоики, Конфуцій и другіе.

Не довольствуясь обычной окружающей жизнью, сосредоточивающей все вниманіе человѣка на внѣшней жизни и ея задачахъ, люди эти углублялись въ разсмотрѣніе собственной природы и при помощи своего разума извлекали отсюда разныя частицы добра и на основаніи ихъ провозглашали тѣ или другія положенія, касающіяся религіи и морали, и выдаваемыя ими за общеобязательныя.

Въ этомъ служеніи Толстого идеямъ естественной религіи и морали все его огромное значеніе для современнаго культурнаго общества и вся его слабость, какъ проповѣдника положительныхъ началъ жизни. Толстой напоминаетъ собой древняго Сократа, котораго готовы слушать много современныхъ людей, сбитыхъ съ толку въ вопросахъ религіи и морали и смутно чувствующихъ недостатокъ для жизни того, что называется культурой. Изъ разсмотрѣнія природы человѣка, конечно, можно вывести немало справедливаго и полезнаго, обличающаго обычное направленіе жизни. Толстой дѣлаетъ это въ своихъ художественныхъ образахъ, способныхъ сильно вліять на сознаніе людей, и въ этомъ его великая заслуга.

Изученіе произведеній Толстого хорошо показываетъ, какъ односторонняя современная культура съ ея слѣпой вѣрой во внѣшнія условія жизни и въ добываніе всей истины жизни — путемъ науки. Даже передъ сознаніемъ человѣка, стоящаго только на почвѣ естественной морали и религіи, человѣческая культура со всѣми плодами ци-

вилизаціи и съ своимъ неопредѣленнымъ и малосодержательнымъ ученіемъ о прогрессѣ не выдерживаетъ критики и представляется не только недостаточной, но и извращающей самыя высокія потребности человѣка. Отсюда понятно отрицаніе культуры и приглашеніе людей къ опрощенію, которыя отличаютъ проповѣдниковъ естественной морали.

Въ этомъ отношеніи Толстой оказался подъ большимъ вліяніемъ извѣстныхъ идей Жанъ-Жака Руссо. Самъ Толстой въ письмѣ къ президенту Общества имени Руссо во Франціи называетъ Руссо своимъ учителемъ, когда ему было 15 лѣтъ, и утверждаетъ, что творенія Руссо до сихъ поръ вызываютъ въ немъ чувство восхищенія, подобное испытанному въ молодости

Извѣстный датскій писатель Георгъ Брандесъ прямо называетъ Руссо духовнымъ предшественникомъ Толстого. «Восхваленіе природы и жизни въ деревнѣ, говоритъ Брандесъ, съ ея физическимъ трудомъ въ противоположность цивилизаціи, въ чемъ завершается все ученіе Толстого, есть главный отличительный признакъ всѣхъ учениковъ Руссо. Въ зародышѣ этотъ признакъ имѣется уже въ первыхъ писаніяхъ Толстого. Это восхваленіе природы позднѣе выступаетъ у него повсюду, сперва въ формѣ изъявительнаго наклоненія, позднѣе—повелительнаго. Тотъ, кто, какъ я, больше любитъ поэтовъ, чѣмъ моралистовъ, предпочитаетъ Толстого въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ его любовь къ природѣ проявляется въ формѣ изъявительнаго наклоненія.

Его постоянное самоосужденіе, когда онъ оглядывается на свою жизнь, тоже имѣетъ предшественника: «Исповѣдь» Руссо. Его нерасположеніе къ наукѣ и искусству исходитъ изъ первыхъ увѣнчанныхъ премій произведеній Руссо,—о развращеніи нравовъ, которое приписывается возрожденію науки и искусства, и о происхожденіи неравенства между людьми,—два глубоко реак-

ціонныхъ произведенія, вызвавшихъ революцію сперва въ умахъ, а потомъ и въ общественной жизни. Нѣтъ ни одной здоровой мысли и ни одной нелѣпости у Руссо, которыхъ нельзя было бы найти и у Толстого.

Для обоихъ «естественное состояніе» — идеалъ, но идеалъ, лежащій позади цивилизаціи: къ нему насъ настоятельно приглашаютъ возвратиться [1]).

Вообще многія идеи Руссо, какъ заключающія въ себѣ извѣстную долю истины, едва-ли когда-либо потеряютъ всякое значеніе въ сознаніи людей. По свидѣтельству англійскаго философа Джона Стюарта Милля, идеи о высокомъ достоинствѣ простоты жизни и о разслабляющемъ, деморализующемъ дѣйствіи, такъ наэываемаго, цивилизованнаго общества, со временъ Руссо не были совершенно чужды ни одному образованному уму. Придетъ время, утверждаетъ Милль, когда онѣ произведутъ свое дѣйствіе, хотя нельзя не замѣтить, что теперь, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо повторять ихъ, доказывать и подтверждать не только словами, но и самымъ дѣломъ, потому что это такой предметъ, по которому слова потеряли почти всякую силу» [2]).

Толстой съ свойственнымъ ему художественнымъ талантомъ какъ бы выполнилъ этотъ совѣтъ Дж. С. Милля, и вернулъ для сознанія многихъ силу словамъ Руссо о простотѣ жизни и о вредномъ вліяніи человѣческой цивилизаціи.

Вмѣстѣ съ этимъ въ теченіе долгой своей литературной дѣятельности Толстой старался подорвать вѣру въ силу человѣческаго разума понять и устроить жизнь. Эта черта произведеній Толстого между прочимъ особенно обратила на себя вниманіе нашего критика Н. К. Михайловскаго, который самъ былъ склоненъ именно къ

---

[1]) Г Брандесъ. Толстой какъ критикъ.

[2]) Дж. С. Милль. Утилитаріанизмъ и свобода: Гл. II, стр. 239. Перев. съ англійскаго.

вѣрѣ въ безграничную силу человѣческаго разума. Съ особенной охотой, по разъясненію Н. Михайловскаго, Толстой при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркиваетъ безсиліе разума передъ жизнью, безсиліе не только измѣнить и направить ее, но даже и понять [1]).

Естественно, что, Толстой долженъ былъ отмѣтить недостаточность для разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни науки, какъ продукта человѣческаго разума. Толстой, мучимый вопросомъ о смыслѣ жизни, который почти не существуетъ для очень многихъ людей, подавленныхъ интересами обыденной мелочной жизни или дѣятельностью въ извѣстной узкой сферѣ, по собственному тяжелому опыту свидѣтельствуетъ о безсиліи въ этомъ отношеніи наукъ, какъ опытныхъ, называемыхъ иначе точнымъ знаніемъ, такъ и умозрительныхъ

Науки опытныя, по утвержденію Толстого, на вопросъ: зачѣмъ я живу?—отвѣчаютъ такъ: Въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечно долгое время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь на землѣ.

Подъ вліяніемъ наукъ умозрительныхъ Толстой разсуждалъ: «Все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ его. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, государственности. Идеалы эти становятся все выше и выше, и человѣчество идетъ къ высшему благу. Я—часть человѣчества, и потому призваніе мое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанію и осуществленію идеаловъ человѣчества».

«И я, поясняетъ Толстой, во время слабоумія своего удовлетворялся этимъ. Но какъ скоро ясно возсталъ во

[1]) Русское Богатство. 1895 г. № 3. Литература и жизнь. Н. К. Михайловскаго. стр. 134.

мнѣ вопросъ жизни, вся эта теорія мгновенно рушилась Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланные изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы; не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы человѣчества;—странность, чтобы не сказать глупость, этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: «что я такое», или: «зачѣмъ я живу», или: «что мнѣ дѣлать»,—человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ: «что такое жизнь всего неизвѣстнаго человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени. Для того, чтобы понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя».

Долженъ сознаться, продолжаетъ Толстой, что было время, когда я вѣрилъ этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшіе мои прихоти, и я старался придумать такую теорію, по которой я могъ бы смотрѣть на свои прихоти, какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро возсталъ въ моей душѣ вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетѣлся прахомъ. И я понялъ, что какъ въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на неподлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области я понялъ, что есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать не на подлежащіе вопросы. Полунауки этой области,—науки юридическія, соціально-историческія,—пытаются разрѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онѣ, мнимо, каждый по-своему, разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества.

Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ,

искренно спрашивающій, какъ мнѣ жить, не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ, и тогда ты поймешь свою жизнь,— точно такъ же не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ: изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно такъ же, какъ въ полунаукахъ опытныхъ, и эти полунауки тѣмъ болѣе исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противорѣчій, чѣмъ дальше онѣ уклоняются отъ самихъ задачъ. Задача опытной науки есть причинная послѣдовательность явленій. Стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной причинѣ и—получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознаніе безпричинной сущности жизни. Стоитъ ввести изслѣдованіе причинныхъ явленій, какъ явленія соціальныя, историческія, и получается чепуха.

«Ну, я знаю,—говорилъ себѣ Толстой,—все то, что такъ упорно желаетъ знать наша наука, а отвѣта на вопросъ о смыслѣ моей жизни на этомъ пути я не получилъ. Въ умозрительной же области, заявляетъ Толстой, я понималъ, что, несмотря на то, или именно потому, что цѣль знанія была прямо направлена на отвѣтъ моему вопросу, отвѣта нѣтъ иного, какъ тотъ, который я самъ далъ себѣ: какой смыслъ моей жизни?— Никакого,—или: что выйдетъ изъ моей жизни?—Ничего.—Или: зачѣмъ существуетъ все то, что существуетъ, и зачѣмъ я существую?—Затѣмъ, что существуетъ.

Спрашивая у одной стороны человѣческихъ знаній, я получилъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, о чемъ я не спрашивалъ: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движеніи солнца въ созвѣздіи Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно малыхъ, невѣсомыхъ частицъ эфира; но отвѣтъ въ этой

области знаній на мой вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни?—былъ одинъ: ты то, что ты называешь твоей жизнью: ты—временное, случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производитъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продержится нѣкоторое время; потомъ взаимодѣйствіе этихъ частицъ прекратится—и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты—случайно сплотившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочится—и кончится прѣніе и всѣ вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній и ничего другого не можетъ сказать, если она только строго слѣдуетъ своимъ основамъ.

При такомъ отвѣтѣ оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Мнѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ.

Тѣ же неясныя сдѣлки, которыя дѣлаетъ эта сторона опытнаго, точнаго знанія съ умозрѣніемъ, при которомъ говорится, что смыслъ жизни состоитъ въ развитіи и содѣйствіи этому развитію,—по неточности и неясности своей не могутъ считаться отвѣтами.

Другая сторона знанія—умозрительная, когда она строго держится своихъ основъ, прямо отвѣчая на вопросъ, вездѣ и во всѣ вѣка отвѣчаетъ и отвѣчала одно и то же: міръ есть что-то безконечное и непонятное. Жизнь человѣческая есть непостижимая часть этого непостижимаго «всего».

Опять я исключаю всѣ тѣ сдѣлки между умозрительными и опытными знаніями, которыя составляютъ весь балластъ полунаукъ, такъ называемыхъ, юридическихъ, политическихъ, историческихъ. Въ эти науки опять такъ же неправильно вводятся понятія развитія, совер-

шенствованія съ тою только разницею, что тамъ—развитіе всего, а здѣсь—жизни людей. Неправильность одна и та же, развитіе, совершенствованіе въ безконечномъ не можетъ имѣть ни цѣли, ни направленія, и, по отношенію къ моему вопросу, ничего не отвѣчаетъ». [1])

Или вотъ что говоритъ Толстой въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ профессорѣ Московскаго университета Н. Я. Гротъ:

«Трудно ему было освободиться отъ того суевѣрія науки, въ которомъ онъ выросъ и возмужалъ и въ служеніи которому пріобрѣлъ выдающійся мірской успѣхъ; но я видѣлъ, что его живая, искренняя и нравственная натура невольно, не переставая, дѣлала усилія для этого освобожденія. Внутреннимъ опытомъ извѣдавъ всю узость и, по-просту, глупость матеріалистическаго жизнепониманія, несовмѣстимаго ни съ какимъ нравственнымъ ученіемъ,—Николай Яковлевичъ былъ неизбѣжно приведенъ къ признанію основой всего духовнаго начала, и—къ вопросамъ объ отношеніи человѣка къ этому духовному началу, т. е. былъ приведенъ къ вопросамъ этики, которыми онъ и занимался послѣднее время все больше и больше.

Въ сущности вышло то, что Н. Я. сложнымъ и длиннымъ путемъ философской, научной мысли былъ приведенъ къ тому простому положенію, признаваемому каждымъ, хотя бы и безграмотнымъ, русскимъ крестьяниномъ, что *жить надо для души*, а что для того, чтобы жить для души, надо знать, что для этого нужно и чего не нужно дѣлать»... [2])

«Научный философъ, не признающій религіозныхъ основъ, неизбѣжно поставленъ въ необходимость, вра-

---

[1]) Л. Н. Толстой. Исповѣдь. Изданіе „Посредника“ Москва. 1907 г. Гл. V и VI.

[2]) Николай Яковлевичъ Гротъ, въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ. Спб. 1911 г. Воспоминанія гр. Л. Н. Толстого, стр. 208.

щаясь въ безконечной цѣпи причинъ, отыскивать воображаемую и невозможную причину всѣхъ причинъ. Религіозный же человѣкъ сознаетъ эту причину всѣхъ причинъ, вѣритъ въ нее, и вслѣдствіе этого, имѣетъ твердое пониманіе жизни и такое же твердое руководство для своихъ поступковъ. Научный же философъ не имѣетъ и не можетъ имѣть ни того, ни другого.

«На-дняхъ ученый профессоръ, разсказываетъ Толстой, объяснилъ мнѣ, какъ теперь уже всѣ душевныя свойства сведены къ механическимъ причинамъ, — «еще только сознаніе не совсѣмъ объяснено», говорилъ съ поразительной наивностью ученый профессоръ. «Мы знаемъ ужъ всю машину, только еще не совсѣмъ знаемъ, чѣмъ и какъ она приводится въ движеніе». Удивительно! Не сведено еще къ механическимъ процессамъ только (очень хорошо это «только») сознаніе. Не сведено еще, но профессоръ, очевидно, увѣренъ, что вотъ-вотъ на-дняхъ получится свѣдѣніе о томъ, что какой-нибудь профессоръ Шмитъ изъ Берлина или Оксенбергъ изъ Франкфурта открылъ механическую причину сознанія, т. е. Бога въ душѣ человѣка. Развѣ не очевидно, что старушка, вѣрующая въ Матушку казанскую Царицу небесную, не только нравственно, но умственно несравненно выше этого ученаго профессора?» [1]).

Впослѣдствіи Толстой, повидимому, началъ подмѣнять обычное понятіе науки своимъ собственнымъ, отталкивать отъ науки людей и чуть-ли не отрицать ея важное значеніе.

Еще недавно, въ августѣ сего 1910 года, появилась въ печати новая статья Льва Толстого о наукѣ. Толстой возстаетъ противъ признанія, что истинная наука въ томъ, чтобы знать, какой царь, и когда съ кѣмъ воевалъ, и кто какіе писалъ стихи, и какъ г. Р. опредѣляетъ государственное право совершенно противно тому, какъ его

[1]) Ibid. стр. 210.

опредѣляетъ г. С., и какъ произошла обезьяна, и когда придетъ комета, и т. п. Люди эти такъ увѣрены въ томъ, что посредствомъ памяти, набивъ себѣ голову всякими праздными разсужденіями разныхъ господъ о самыхъ ненужныхъ людямъ предметахъ, они стоятъ на высшей точкѣ человѣческаго развитія, что доказывать что-либо такимъ людямъ совершенно безполезно.

Истинной же наукой, по мнѣнію Толстого, можетъ быть и будетъ только такая наука, въ основу которой будетъ положено религіозно-нравственное ученіе о душѣ человѣка, о Богѣ и нравственности...

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы понять значеніе современной науки и постараться поставить ее въ сознаніи людей на надлежащее мѣсто съ разъясненіемъ недостаточности ея методовъ и способовъ познанія для всей жизни человѣка и окружающей природы, Толстой съ свойственной ему во многихъ вопросахъ крайней односторонностью пытается совсѣмъ ниспровергнуть науку. Вообще, какъ справедливо писалъ еще въ 1862 году Евгеній Марковъ, въ лицѣ Толстого является писатель съ самымъ широкимъ протестомъ противъ всей нашей цивилизаціи, противъ всего нашего прогресса, при чемъ до очевидности ясно, что его нападенія на существующія системы образованія и воспитанія только первая стрѣлица, первый шагъ этого общаго протеста. [1])

Въ своемъ замѣчательномъ разсказѣ «Смерть Ивана Ильича» Толстой ярко показываетъ, въ какомъ ничтожномъ и даже мрачномъ свѣтѣ представляется предъ лицомъ смерти жизнь обыкновеннаго средняго человѣка, достаточно культурнаго и вполнѣ порядочнаго въ обычномъ общественномъ значеніи этого слова. Одинъ изъ русскихъ критиковъ, Арс. И. Введенскій, справедливо говоритъ, что весь разсказъ есть яркое отрицаніе жизни, которую велъ Иванъ Ильичъ и вмѣстѣ съ нимъ милліи

[1]) Сѣверный Вѣстникъ. 1888 г. № 10. Критики Толстого, ст. 38.

оны людей, считающихъ себя образованными, развитыми, живущими сознательно и разумно, цвѣтомъ общества человѣческаго. [1])

Правдивостью и потрясающей сердца силой этого разсказа Толстой въ значительной степени развѣнчиваетъ и обычное образованіе, какъ способъ распространенія культуры въ народныхъ массахъ. Передъ голосомъ жизни, который слышится въ разсказѣ Толстого, какими наивными кажутся надежды, возлагаемыя теперь на образованіе очень многими, присваивающими себѣ малосодержательное названіе прогрессистовъ и отъ такого названія выростающими въ своихъ собственныхъ глазахъ!

По разъясненію Арс. И. Введенскаго, Толстой здѣсь разрушаетъ иллюзію, будто бы всякое образованіе и развитіе дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Образъ Ивана Ильича съ поразительной рельефностью доказываетъ, что формально просвѣщенный человѣкъ можетъ не имѣть элементарныхъ представленій о смыслѣ и цѣляхъ своей собственной дѣятельности и вносить въ отношенія къ людямъ тотъ эгоизмъ, ту сухость сердца, которыя мертвятъ всякую жизнь и дѣлаютъ ее невыносимою для человѣка съ сердцемъ и умомъ [2]).

При такихъ условіяхъ развѣ не страннымъ, чтобы не сказать больше, вышло зрѣлище, свидѣтелями котораго мы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Многіе мужи науки, уже убѣленные сѣдинами, всю жизнь твердившіе о наукѣ, какъ объ единственномъ источникѣ истины, и немало разнаго рода общественныхъ дѣятелей, постоянно кричавшихъ о пользѣ культуры съ ея безрелигіознымъ образованіемъ и слѣпой вѣрой въ прогрессъ, во время чествованія восьмидесяти-лѣтняго юбилея Толстого вдругъ какъ будто забыли о своихъ обычныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ Къ удивленію, эти именно лица особенно

[1]) Ар. И. Введенскій. Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. 1900 г. стр. 215.
[2]) Тамъ же, стр. 225.

громко принялись изъ всѣхъ силъ хлопотать о прославленіи Толстого и о распространеніи его произведеній въ народѣ, отрицающихъ все, чему поклоняются они Что это? Легкомысліе-ли вообще, обнаруженіе-ли непрочности своихъ культурныхъ убѣжденій, желаніе-ли угодить многочисленной толпѣ почитателей Толстого, или можетъ быть, проясненіе подъ вліяніемъ Толстого собственнаго ума отъ подавляющихъ его односторонніхъ взглядовъ?

Во всякомъ случаѣ по поводу такихъ фактовъ нельзя не отмѣтить, что Толстой, будучи писателемъ, пропагандирующимъ идеи естественной религіи и морали, сумѣлъ заставить многихъ людей съ отрицаемыми этимъ писателемъ убѣжденіями забыть въ отношеніи ихъ о своемъ достоинствѣ и дѣйствовать противъ самихъ же себя. Но, если естественная мораль и религія способны свидѣтельствовать о неудовлетворенности и недостаткахъ безрелигіозной и внѣшней жизни и подрывать вѣру въ такую жизнь, то они являются совершенно безпомощными въ дѣлѣ построенія положительнаго идеала жизни.

Не говоря уже о томъ, что представители естественной морали и религіи произвольно полагаютъ въ основаніе тѣ или другіе отдѣльные задатки или свойства человѣка и въ этомъ отношеніи противорѣчатъ другъ другу, они оказываются неспособными представить общій идеалъ жизни и дать необходимое для него конкретное выраженіе. Они забываютъ, что добро, хранящееся еще въ людяхъ, находится не только въ смѣшеніи со зломъ, но и въ состояніи разъединенія, подобно, напримѣръ, частицамъ разбитаго стекла. Для правильной жизни человѣка недостаточно только указать въ душѣ эти частицы добра, но нужно еще ослабить дѣйствіе на нихъ зла и какимъ-либо огнемъ сплавить ихъ въ одну цѣлую массу, доставляющую содержаніе всей жизни человѣка.

Толстой повторяетъ заблужденіе Сократа относительно

человѣческой природы. Сократъ думалъ, что стоитъ людямъ узнать и понять хорошее и разумъ ихъ заставитъ измѣнить въ этомъ направленіи жизнь и держаться только хорошаго.

Придавая столь большое значеніе въ религіозно-нравственной жизни разуму человѣка, Толстой въ этомъ случаѣ едва-ли не впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой, когда онъ указываетъ на безсиліе разума для жизни и отрицаетъ культуру, какъ продуктъ человѣческаго разума. Почему же человѣческій разумъ, недостаточный для пониманія и правильнаго устроенія жизни вообще, можетъ служить вполнѣ надежной опорой въ болѣе высокой области жизни, религіозно-нравственной? Почему же человѣкъ, освобожденный отъ вредныхъ вліяній современной культуры, не будетъ снова создавать подобную же культуру? Вѣдь всѣ указанія и разсужденія Толстого не новость. Вѣдь и до Толстого человѣчеству были знакомы идеи естественной религіи и морали, и однако жизнь человѣческая сложилась, какъ она есть!

Правда, положенныя въ основаніе своихъ религіозно-нравственныхъ взглядовъ—идеи естественной религіи и морали Толстой старается облечь въ христіанскія формы и говоритъ о нихъ языкомъ, заимствованнымъ у христіанства, но это нисколько не измѣняетъ существа дѣла, внося лишь большую путаницу во многіе умы людей.

Христіанство ясно показало міру, что нравственно-религіозное содержаніе жизни, охватывающее все существо человѣка, не придумывается нами, а дается намъ въ готовомъ видѣ, въ формѣ одного непрерывнаго процесса жизни. Для этого человѣку нужно отвергаться самого себя и послѣдовать не отдѣльнымъ какимъ-либо заповѣдямъ, а всецѣло отдаться жизни, раскрытой христіанствомъ. Игнорированіе факта разстройства человѣческой природы и сильнаго вліянія въ ней зла сузило религіозно-

нравственные горизонты Толстого, наприм., до того, что онъ готовъ заключать свою вѣру въ произвольно избранныя имъ пять заповѣдей [1]).

Вѣковой опытъ жизни свидѣтельствуетъ, что мало не только знать о добрѣ, но мало и хотѣть его, а нужно еще исцѣленіе нашей природы и пріобрѣтеніе силы исполнять добро. Вопль одного изъ величайшихъ людей, что добра, котораго, онъ хочетъ, не дѣлаетъ, а зло, котораго не хочетъ, дѣлаетъ, почти уже двѣ тысячи лѣтъ повторяется милліонами людей. Кромѣ того исторія уже достаточно показала, что мысли и стремленія человѣка, предоставленнаго въ области религіи самому себѣ, сейчасъ же запутываютси въ лабиринтѣ возникающихъ передъ его сознаніемъ разныхъ сложныхъ вопросовъ и обыкновенно оканчиваются трагически. Человѣкъ начинаетъ принимать за Бога или какую-либо часть Его творенія или какое-либо собственное отвлеченіе, а въ послѣднее время особенно часто свое понятіе объ ощущаемой имъ въ себѣ и въ природѣ жизни. При такомъ процессѣ познанія Бога человѣкъ въ дѣйствительности проходитъ далеко отъ Него, довольствуется, если можно такъ выразиться, какой-то неопредѣленной тѣнью Бога и въ сущности возвращается къ самому же себѣ. Во многомъ это естественно произошло и съ Толстымъ, что можетъ быть установлено при разсмотрѣніи многихъ придуманныхъ имъ религіозныхъ взглядовъ, не встрѣчающихъ опоры въ христіанствѣ. Но уже такіе факты, какъ замѣчаемое въ насъ раздвоеніе между добромъ и зломъ и опасность заблужденія въ отношеніи понятія о Богѣ, очень подрываютъ значеніе естественной морали и религіи, какъ руководящаго начала жизни проповѣдникомъ которыхъ и выступилъ у насъ Толстой.

По разсмотрѣніи произведеній Толстого авторъ переходитъ къ другимъ указаннымъ выше писателямъ.

[1]) Въ чемъ моя вѣра? Л. Н. Толстого, гл. VI.

Чо для мысли, пробужденной образами и идеями Достоевскаго и Толстого, вопросы религіи и морали, затрогиваемые этими писателями, представляются уже болѣе блѣдными и далеко не такъ волнующими духъ.

Чтеніе этой части книги Я. Ктитарева между прочимъ лишній разъ напоминаетъ, что поэзія есть продуктъ болѣе широкаго воспріятія разлитой въ природѣ жизни, чѣмъ это обыкновенно замѣчается у людей.

Самый фактъ существованія поэзіи и нашего услажденія ею свидѣтельствуетъ, что жизнь человѣка и природы далеко не охватывается одинаково всѣми и для выраженія ея часто безсильны не только философскія формулы и научныя положенія, но даже и самыя слова.

Въ этомъ отношеніи поэты ясно чувствуютъ то, что высказалъ одинъ изъ нихъ:

«О если-бъ безъ слова
«Сказаться душой было можно!..»
«Поэтамъ часто хочется
«Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ».

Вся поэзія связана съ особо-широкимъ воспріятіемъ жизни. Стараясь охарактеризовать извѣстнаго Гёте, нашъ поэтъ Баратынскій между прочимъ говоритъ:

«Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
«Ручья разумѣлъ лепетанье,
«И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
«И чувствовалъ травъ прозябанье;
«Была ему звѣздная книга ясна
«И съ нимъ говорила морская волна.

Способность болѣе широкаго воспріятія жизни и пониманія ея таинственнаго языка, отличающія поэтовъ, заставляютъ ихъ утверждать, что природа полна жизни и мысли и что прекраснъ Божій міръ.

«Природы ужасы, стихій враждебный бой,
«Ревущее со скалъ угрюмыхъ водопады,

«Пустыни снѣжныя, льдовъ снѣжныя громады,
«Иль моря шумнаго необозримый видъ—
«Все, все возноситъ умъ, все сердцу говоритъ
«Краснорѣчивыми, но тихими словами.

(Батюшковъ).

«Не то, что мните вы,—природа
«Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
«Въ ней есть, душа въ ней есть свобода,
«Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

(Тютчевъ).

«Пойми живой языкъ природы
«И скажешь ты: прекрасенъ міръ.

(Вяземскій).

Мало того, понимаемый поэтами языкъ природы можетъ прямо говорить ихъ сознанію и о существованіи Бога.

Такъ, Лермонтовъ, охваченный впечатлѣніями отъ нѣкоторыхъ явленій природы, утверждаетъ:

«Тогда смиряется души моей тревога,
«Тогда расходятся морщины на челѣ.
«И счастье я могу постигнуть на землѣ
«И въ небесахъ я вижу Бога.

Подобно этому другой поэтъ о своемъ усмотрѣніи Бога въ природѣ свидѣтельствуетъ:

Тебя незримаго въ твореньѣ созерцалъ.

(Красовъ).

Такимъ образомъ по отношенію къ поэтамъ оказывается особенно справедливымъ разъясненіе св. апостола Павла, что черезъ разсматриваніе творенія обнаруживается невидимое Бога, Его вѣчная сила и Божество. (Рим. I, 19-20).

Ничѣмъ инымъ, какъ именно недостаткомъ воспрія-

тія совершающагося въ природѣ объясняютъ поэты обычное отношеніе людей къ природѣ:

«Они не видятъ и не слышатъ,
«Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ,
«Для нихъ и солнце, знать, не дышетъ,
«И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
«Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
«Весна въ груди ихъ не цвѣла,
«При нихъ лѣса не говорили,
«И ночь въ звѣздахъ нѣма была,
«И, языками неземными,
«Волнуя рѣки и лѣса,
«Въ ночи не совѣщалась съ ними
«Въ бесѣдѣ дружеской гроза.
«Не ихъ вина: пойми, коль можетъ
«Органа жизнь глухо-нѣмой!
«Увы! души въ немъ не всколевожитъ
«И голосъ матери самои.

(*Тютчевъ*).

Самый языкъ поэзіи не придумывается, а вызывается особеннымъ образомъ ощущаемой поэтомъ жизнью природы. Одинъ изъ нихъ справедливо предупреждаетъ:

«Гармоніи стиха божественныя тайны
«Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ,
«У брега сонныхъ водъ, одинъ, бродя случайно,
«Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
«Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
«Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
«Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
«Польются звучныя, какъ музыка дубравы.

(*Майковъ*)

Наконецъ болѣе широкое воспріятіе жизни, свойственное поэтамъ, заставляетъ ихъ открыто признавать

великую цѣнность жизни и возставать противъ близорукихъ и односторонних на нее взглядовъ иныхъ людей.

«Не говори, что жизнь игрушка
«Въ рукахъ безсмысленной судьбы,
«Безпечной глупости пирушка
«И ядъ сомнѣній и борьбы...
«Нѣтъ, жизнь—разумное стремленье
«Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ горитъ,
«Гдѣ человѣкъ, вѣнецъ творенья,
«Надъ міромъ высоко царитъ...

(Надсонъ).

Такимъ образомъ ясно, что изученіе поэзіи приводитъ къ вопросу о воспріятіи нами жизни вообще, и это автору слѣдовало бы подчеркнуть съ большей силой. Вопросъ о воспріятіи жизни по обстоятельствамъ времени имѣетъ важное значеніе въ области морали и религіи.

Не слѣдуетъ забывать, что въ современной культурѣ замѣтно пробивается тенденція признать научные методы и способы познанія истины и жизни, особенно же свойственные естествознанію, универсальными и единственно достовѣрными.

Поэтому все недоступное научному изслѣдованію, а преимущественно предметы и вопросы религіи, уже въ силу этого подвергаются сомнѣнію и исключаются изъ сферы культурнаго вниманія.

Сколько людей оказываются сбитыми съ толку подобнымъ направленіемъ культуры и какъ суживается отъ этого ихъ горизонтъ жизни!

Узкій же и односторонній взглядъ на жизнь очень часто именно и служитъ большимъ препятствіемъ въ дѣлѣ пониманія и принятія христіанства.

И вотъ обращеніе вниманія на такой фактъ, какъ поэзія съ ея сильнымъ вліяніемъ на людей, и сопоста-

вленіе этого съ методами и задачами науки можетъ способствовать въ подобныхъ случаяхъ расширенію кругозора.

Человѣкъ, духовно-тупѣющій отъ современной цивилизаціи, которая до сихъ поръ могла создать и поддерживать лишь буржуазные идеалы и порядки жизни, получаетъ возможность выйти изъ узкой сферы чувствъ и мыслей своего ограниченнаго существованія, какъ бы расширить свой жизненный опытъ и замѣтить новыя стороны въ жизни природы и его самого. Передъ затуманеннымъ сознаніемъ человѣка жизнь начинаетъ выступать въ ея большей непосредственности и глубинѣ, не умѣщающимися въ рамки и методы науки. Человѣкъ будетъ продолжать цѣнить значеніе науки, но уже въ извѣстныхъ, свойственныхъ ей, предѣлахъ.

Великій писатель и вмѣстѣ ученый, Гёте, имѣвшій возможность сравнить сущность своихъ поэтическихъ произведеній съ научными изслѣдованіями, по вопросу объ отношеніи науки и жизни высказываетъ въ своемъ «Фаустѣ» словами Мефистофеля:

«Кто хочетъ что-нибудь живое изучить,
«Сперва его всегда онъ убиваетъ,
«Потомъ на части разнимаетъ,
«Хоть связи жизненной—увы!—тамъ не открыть.

Не менѣе справедливо говоритъ и Фаустъ, погруженный въ размышленіе о своихъ стремленіяхъ:

«Увы! чего не могъ постигнуть ты душой
«Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами!

А вотъ выраженное въ поэтической формѣ свидѣтельство о томъ же Вл. С. Соловьева:

«Природа съ красоты своей
«Покрова снять не позволяетъ,

«И ты машинами не вынудишь у ней,
«Чего твой духъ не угадаетъ [1]).

Въ заключеніе рѣчи по поводу книги Ктитарева не лишнее предупредить одно недоумѣніе, которое можетъ возникнуть у нѣкоторыхъ относительно утвержденія, что изученіе русской художественной литературы можетъ служить хорошимъ пособіемъ въ дѣлѣ проповѣди и преподаванія Закона Божія.

Всегда находится немало людей, которые принадлежатъ къ узкимъ охранителямъ. Воспитанные при тѣхъ или другихъ порядкахъ и привыкшіе къ извѣстнымъ пріемамъ, они склонны встрѣчать враждебно все, что не соотвѣтствуетъ установившимся у нихъ понятіямъ и привычкамъ, особенно еще, если новыя условія требуютъ большей затраты энергіи и труда, или угрожаютъ ихъ прежнему болѣе спокойному положенію. Позвольте,— скажутъ, вѣроятно, такіе лица,—да развѣ можно вводить подобное новшество, развѣ допустимо съ понятіемъ проповѣди и преподаванія Закона Божія соединять изученіе свѣтской литературы, особенно же произведеній отпавшаго отъ церкви Толстого? Для проповѣди и преподаванія Закона Божія достаточно лишь св. Писанія и сочиненій свят. отцовъ.

Всѣмъ такимъ лицамъ достаточно указать на проповѣдь св. апостола Павла въ Аѳинахъ, въ которой для разъясненія своихъ словъ онъ прямо ссылается на древнегреческихъ, языческихъ, стихотворцевъ. (Дѣян. XVII, 28).

Пусть они вспомнятъ затѣмъ, наприм., св. Григорія Богослова. Желая поддержать у Филагрія терпѣніе въ страданіяхъ, св. Григорій между прочимъ обращаетъ его вниманіе на стоиковъ. «Хвалю, пишетъ онъ Филагрію, благородство и высоту мыслей у стоиковъ, которые го-

[1]) Письмо Ф. С. Соловьева 26 марта 1872 г. Русская Мысль 1910 года, май.

ворятъ, что внѣшнее немало не препятствуетъ блаженству и что человѣкъ доблестный блаженъ, хотя бы жгли его въ Фоларидовомъ быкѣ. А по сему, какъ дивлюсь тѣмъ, которые у насъ шли на опасности за дѣло прекрасное или мужественное, переносили бѣдствія, такъ дивлюсь и тѣмъ изъ внѣшнихъ, которые близко подходили къ нашимъ, каковы, не говоря о многихъ, Анаксагоръ, Епиктетъ, Сократъ»... [1])

Извѣстно, что св. Амвросій Медіоланскій для своего сочиненія «De officiis ministrorum» много пользовался трактатами Цицерона «De officiis». (Объ обязанностяхъ).

А вотъ свидѣтельства блаженнаго Августина, сдѣланныя на основаніи собственнаго широкаго и глубокаго жизненнаго опыта. Чтеніе сочиненій платониковъ, говоритъ бл. Августинъ, навело меня на мысль — искать истины выше міра чувственнаго, и я устремилъ свой взоръ въ міръ сверхчувственный, постигая, что невидимая Бога вѣчная сила Его и Божество черезъ разсматриваніе твореній видимы. (Рим. I, 20). [2])

Въ своей исповѣди Августинъ отмѣчаетъ также о вліяніи на него книги Цицерона Гортензій и утверждаетъ. что она содержитъ въ себѣ убѣжденіе или побужденіе къ любомудрію. «И эта-то книга,—признается онъ,—измѣнила расположеніе души моей. И въ этомъ отношеніи къ Тебѣ Самому, Господи, я почувствовалъ перемѣну и въ молитвенныхъ прошеніяхъ, и въ желаніяхъ, и въ обѣтахъ. Вдругъ, если не вовсе исчезли во мнѣ, то по крайней мѣрѣ потеряли свою силу всѣ суетныя надежды и я, опытомъ, извѣдалъ ихъ пустоту и получилъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ, со всею сердечною горячностью возжелалъ вѣчной мудрости и

---

[1]) Творенія св. Григорія Богослова, изданіе части VI. Москва 1889 г. Письмо къ Филагрію. Стр. 234.

[2]) Исповѣдь Книга VII. гл 20.

сталъ помышлять о томъ, чтобы возстать и возвратиться къ Тебѣ» [1]).

По вопросу о пользованіи въ интересахъ христіанства разнаго рода сочиненіями, не исключая и совершенно языческихъ, знаменитый дѣятель Церкви св. Василій Великій указываетъ, что пока человѣку малодоступна глубина св. Писанія, можно прежде упражнять «око ума» на другихъ писаніяхъ, какъ бы въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зерцалахъ.

Намъ предстоитъ великій подвигъ и для лучшаго подготовленія къ нему слѣдуетъ все дѣлать, должно бесѣдовать и съ поэтами, и съ историками, и съ ораторами, и со всѣми, отъ которыхъ можемъ получить какую-либо пользу для попеченія о душѣ. Истинѣ не неприлично облечься и во внѣшнюю премудрость, какъ бы въ нѣкоторую листву, сообщающую пріятный видъ и покрывало для плода. Посему говорится, замѣчаетъ св. Василій Великій, что и Моисей прежде упражнялъ разумъ египетскими науками, а потомъ уже приступилъ къ созерцанію Сущаго.

Такъ и Даніилъ сначала научился въ Вавилонѣ халдейской мудрости, а затѣмъ приступилъ и къ божественнымъ наукамъ.

Василій Великій совѣтуетъ изучать и языческія сочиненія и въ этомъ дѣлѣ подражать пчеламъ. Пчелы, поясняетъ онъ, не на всѣ цвѣты равно садятся и съ тѣхъ, на какіе опустятся, не все стараются унести, но взявъ, что пригодно для ихъ дѣла, прочее оставляютъ нетронутымъ [2]).

Замѣтимъ кстати, что св. отцы при ихъ широкомъ міросозерцаніи вообще умѣли пользоваться въ интересахъ

---

[1]) Тамъ же, книга III, гл. 4.

[2]) Творенія св. Василія Великаго. Часть IV. Москва. 1846 г. Бесѣда 22. Къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.

христіанства очень многимъ, не исключая и той учености, которую они называли внѣшней. По словамъ, наприм., св. Григорія Богослова, они и въ наукахъ заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія... «Мы, утверждаетъ онъ, извлекали изъ нихъ полезное даже для самого благочестія, черезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія.

Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ объ этомъ нѣкоторые, а напротивъ нужно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный и избѣжать обличенія въ невѣжествѣ» [1]).

Къ приведеннымъ примѣрамъ и свидѣтельствамъ такихъ великихъ дѣятелей христіанства какъ св. апостолъ Павелъ, св. Григорій Богословъ, св. Василій Великій, св. Амвросій Медіоланскій и бл. Августинъ, намъ добавлять уже нечего.

Ссылаясь на нихъ, мы можемъ твердо сказать, что пользованіе художественной литературой въ интересахъ проповѣди не только не противорѣчитъ широкому христіанскому сознанію, но во многихъ случаяхъ прямо требуется имъ.

Надѣемся, почтенный авторъ не посѣтуетъ на насъ за сдѣланныя кое-какія дополненія къ его книгѣ. Они вызваны тѣмъ, что книга его пробуждаетъ мысль.

Попытка Я. Н. Ктитарева разобраться въ русской художественной литературѣ съ точки зрѣнія вопросовъ религіи и морали очень нужна и полезна для современ-

---

1) Творенія св. Григорія Богослова. Часть IV. Слово 43. Надгробное слово св. Василію Великому.

наго человѣка, и я хотѣлъ бы обратить на нее вниманіе русскаго общества.

Небольшая цѣна книги, въ 285 страницъ большого формата. 1 руб. 25 коп., можетъ лишь способствовать ея распространенію.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

